

ЗАПРЕТ ТРАГЕДИИ Я. Б. КНЯЖНИНА «ВАДИМ НОВГОРОДСКИЙ» И ДЕЛО А. Н. РАДИЩЕВА

Л. Б. СВЕТЛОВ

Примерно в 1789 г. прославленный автор многочисленных драматургических произведений Я. Б. Княжнин закончил трагедию «Вадим Новгородский», главным героем которой являлся суровый и непримиримый республиканец, новгородский посадник Вадим, восставший против самовластия князя Рурика. В финале трагедии Вадим, убедившись, что его попытки свергнуть тиранию Рурика не увенчались успехом, отказывается от княжеских милостей и решает лучше умереть, нежели видеть вольных новгородцев под властью самодержца. Подобно легендарному древнеримскому республиканцу Катону он пронзает себя мечом.

Трагедия вскоре после ее окончания была принята к постановке петербургским придворным театром. Однако революционные события, разразившиеся во Франции, побудили Княжнина и дирекцию театра отложить представление. Пьеса была взята автором обратно. Спустя четыре года она вышла в свет отдельным изданием и одновременно была напечатана в 39 томе сборника «Российский феатр или полное собрание всех российских феатральных сочинений», издававшегося Академией Российской¹.

В трагедии «Вадим Новгородский» достаточно наглядно обнаруживается далеко не положительное отношение Княжнина к республиканским идеям Вадима. Это видно из финала трагедии и особенно из трактовки образа варяжского пришельца, князя Рурика. Республиканец Вадим, растеряв своих сторонников, остается в полном одиночестве, не поддержанный народом погибает. Монарх же, князь Рурик, изображен милостивым, мудрым и бескорыстным «отцом народа», которому власть якобы даже в тягость, и принимает он ее, только уступая слезным мольбам народа.

В литературе можно еще до сих пор встретить разноречивые оценки трагедии Княжнина. Весь его творческий путь убеждает все же в том, что Княжнин был писателем либерально-дворянского направления, а по политическим воззрениям — сторонником просвещенной монархии. Княжнин неоднократно выступал против деспотического самодержавия, против произвола и тирании, но полагал, что панацеей от всех социальных зол и несправедливостей является «мудрость на троне», просвещенная монархия. Эти идеи он последовательно проводил во всех своих трагедиях («Рослав», «Владисан», «Титово милосердие»). И князь Рурик в трагедии «Вадим Новгородский» не случайно выдвигает в оправдание своей «тяжкой власти» самодержца то, что он уничтожил «вредную вольность», положил конец порожденным ею смутам и междуусобиям, укротил власть «вельмож-гордецов», «обуздал народу зло творить».

Трагедия «Вадим Новгородский» писалась задолго до Французской революции и дела А. Н. Радищева. Лично хорошо знавший Княжнина С. Н. Глинка рассказывает в своих записках, что драматург и его друзья вовсе не любили «заглядывать в область политики». Когда же «забушевала французская революция, тогда Княжнин первый понял порыв и полет этой бури»². «Открылась французская революция, — писал сын Княжнина, — и отец мой сам увидел, что сюжет его трагедии, а с тем вместе по необходимости и многие выражения не сообразны с обстоятельствами того времени». Такую же мысль высказал в начале XIX в. и современник Княжнина поэт А. А. Палицын³.

¹ К тому времени Княжнина уже не было в живых. Он скончался в январе 1791 г.

² С. Н. Глинка. Записки, СПб., 1895, стр. 96.

³ «Русский вестник», М., 1860, т. 26, № 5, стр. 104; А. А. Палицын. Послание к Привете, или воспоминание о некоторых русских писателях моего времени, Харьков, 1807, стр. 10.

«Полет бури» революции и вынудил Княжина поспешно взять обратно отданную в театр для разучивания ролей трагедию.

Страстные, вольнолюбивые тирады Вадима и его сторонников не могли не оказать вопреки воле автора глубокого воздействия на тогдашнее общественное сознание⁴.

Хорошо знавший обстоятельства и настроения того времени библиограф Е. Болховитинов писал в своем «Словаре русских светских писателей», что трагедия Княжина в кульминационный период революционных событий во Франции вызвала большой шум: «Вадим тогда показался набатом. Пьеса сия и действительно была не скромнее Вольтерова Брута, хотя в роли Рюрика помещено на все довольно правых ответов»⁵.

В 1793 г., после казни французского короля Людовика XVI, после появления «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, многое из того, о чем говорил в своей трагедии Княжин, действительно приобрело новое политическое звучание, заставившее серьезно всполошиться Екатерину II и правящие верхи самодержавно-крепостнической России. В ином свете стали восприниматься большинство реплик и речей Вадима и его единомышленников, речей, исполненных мотивами пламенного свободолюбия, протеста против гнета и насилий. Вадим и его единомышленники говорили, что самодержцы — это «преступники в венцах», что надо освободить народ, «под игом скипетра позорно удрученный, что надо убить Рурика, который, захватив власть в Новгороде, «нас клонит к горести самодержавна царства». Республиканской патетикой проникнута особенно речь посадника Пренеста, в которой он следующим образом характеризует самодержавие:

«Самодержавие повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.
Воззрите на владык вы разных царств и веков,
Их власть — есть власть богов, а слабость — человека»⁶.

Эти реплики и слова были расценены как «набат» революции, как опасная «крамола», угрожавшая существующему самодержавно-крепостническому строю. На нее и была обрушена вся сила полицейско-охранительного аппарата самодержавия. Екатерина II, не имея возможности привлечь к ответу умершего автора, приказала уничтожить его произведение.

В декабре 1793 г. генерал-прокурор Сената, руководитель Тайной экспедиции А. С. Самойлов прислал в Сенат записку, несомненно инспирированную Екатериной II, в которой было сформулировано обвинение против трагедии «Вадим Новгородский» и, конечно, заранее самым циничным образом предreshен приговор Сената, этой высшей судебной инстанции страны. Приводим выдержки из этой записки генерал-прокурора. «В сей трагедии помещены некоторые слова, не токмо соблазн подающие к нарушению благосостояния общества, но даже есть изречения противу целости законной власти царей, что усмотрит сам Правительствующий Сенат из той трагедии, при сем приобщаемой»⁷.

⁴ Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., М., Учпедгиз, 1955, стр. 326. Правда, некоторые, даже весьма благонамеренно настроенные, современники находили нерешенной в трагедии Княжина проблему борьбы между монархическим принципом и гражданской свободой (например, поэт А. Ф. Воейков).

⁵ Е. Болховитинов. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I, М., 1845, стр. 291.

⁶ Цит. по сб. «Русская литература XVIII века», Л., 1937, стр. 328.

⁷ Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (РОБИЛ), ф. Белокурова, д. 9/10, л. 2—2об. В деле сохранились не все листы, что видно по большим пропускам первоначальной архивной пагинации.

Дело о трагедии «Вадим Новгородский» Сенатом рассматривалось дважды: 7 и 14 декабря 1793 г. Было вынесено следующее решение: «оную книгу, яко наполненную дерзкими и зловердными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую, сжечь в здешнем столичном городе публично»⁸.

В соответствии с решением Сената отобранные преимущественно в книжных лавках и типографии Академии Российской несколько сот экземпляров отдельного издания трагедии были сожжены на костре на Александровской площади в Петербурге⁹. А из сборника «Российский феатр» полицией выдраны страницы с текстом трагедии. В Москве было изъято из книжных лавок 167 экземпляров трагедии, которые и были отправлены в Петербург, в канцелярию генерал-прокурора. Они также были сожжены на костре. 24 декабря во все наместнические и губернские правления был разослан секретный указ об отобрании и уничтожении трагедии «Вадим Новгородский». Однако собрать все экземпляры трагедии полицейским властям не удалось, так как значительная часть их была уже к тому времени распродана.

Царское правительство, таким образом, само широко оповестило о выходе «крамольной» книги. Разосланный наместническим правлениям сенатский указ о трагедии Княжнина был ими в свою очередь размножен и направлен всем городничим и так называемым нижним земским судам. В прошлом неоднократно обнаруживались в различных местных архивах копии этого указа¹⁰. В 1914 г. был найден указ, попавший в городок Лихвин Калужской губернии. Заседатель лихвинского нижнего земского суда, получив сенатский указ, сообщил наместничеству, что он «объявлял обывателям о вышедшей в публику книге под названием «Вадим Новгородский», дабы они, кто бы у себя означенную книгу не имел, тотчас представили оную в наместническое правление...»¹¹.

По делу о трагедии «Вадим Новгородский» были допрошены ряд лиц — сыновья Княжнина¹², книгопродавец И. П. Глазунов, родственник и опекун детей Княжнина П. Я. Чихачев, президент Академии Российской княгиня Е. Р. Дашкова (Воронцова) и др.

Петербургский книгопродавец Иван Петрович Глазунов, купивший рукописи Княжнина у П. Я. Чихачева, содержался некоторое время под стражей. Глазунова допрашивал московский генерал-губернатор кн. А. А. Прозоровский. (По сведениям генерал-прокурора Самойлова, Глазунов повез в Москву 400 экземпляров трагедии). Прозоровскому было предписано узнать, где и каким образом Глазунов достал рукопись трагедии Княжнина и каким образом она была напечатана. Одновременно было приказано просмотреть и другие находящиеся в продаже его сочинения, и если в них «окажутся нелепые изречения» или «и без таковых изречений покажутся сумнительны», то воспрепятствовать их продаже. Глазунов показал, что рукописи Княжнина он приобрел за 200 руб. у помещика Чихачева и что трагедия «Вадим Новгородский» была напечатана в количестве 1200 экземпляров по распоряжению кн. Е. Р. Дашковой в типографии Академии¹³.

П. Я. Чихачев, проживавший в своей деревне в Псковской губернии, был вызван в Смоленск и допрошен тамошним генерал-губернатором. Выяснилось, что Чихачев, ничего не смысливший в литературе,

⁸ РОБИА, ф. Белокурова, д. 9/10, л. 1.

⁹ Там же, л. 41об.

¹⁰ См. публикацию А. Г. Пупарева в «Русской старине» (1871, т. IV, № 7, стр. 91—92).

¹¹ См. публикацию Д. И. Малинина в «Известиях Калужской ученой архивной комиссии» (Калуга, 1914, вып. XXII, стр. 4).

¹² «Русский вестник», 1860, т. 26, № 5, стр. 104.

¹³ «Русский архив», 1863, стр. 467—473.

даже не читал доставшихся ему рукописей Княжнина, проданных без всякого разбора как макулатура Глазунову¹⁴.

Дело о трагедии «Вадим Новгородский» описано Е. Р. Дашковой в ее известных «Записках», из которых выясняется с полной очевидностью, что Екатерина II прямо связывала его с делом Радищева. Явившийся к Дашковой по поводу издания трагедии «Вадим Новгородский» генерал-прокурор Самойлов сразу же заявил, что, разбирая трагедию, «императрица намекнула и на брошюру Радищева, говоря, что «трагедия Княжнина является вторым опасным произведением, напечатанным в Академии»¹⁵. «Что я вам сделала, что вы распространяете произведения, опасные для меня и моей власти?» — гневно укорила императрица Е. Р. Дашкову на очередном дворцовом приеме¹⁶.

Наиболее любопытные и достоверные сведения об истории с трагедией «Вадим Новгородский» содержатся не в «Записках» Дашковой, написанных много лет спустя после событий, а в относящемся к середине ноября 1793 г. ее же письме к брату А. Р. Воронцову, который после осуждения Радищева находился в длительном отпуске и жил в своих деревнях¹⁷. Многочисленные исследователи дела о трагедии «Вадим Новгородский» почему-то не обращались к этому документу.

Между письмом и «Записками» в изложении истории с трагедией «Вадим Новгородский» имеются серьезные расхождения. Так, в «Записках» Е. Р. Дашкова указывает, что трагедию она издала якобы по просьбе вдовы Княжнина и что произведение цензуровал советник Академии О. П. Козодавлев, не нашедший в нем ничего предосудительного. То и другое совершенно не соответствовало действительности. Письмо к А. Р. Воронцову содержит совсем иные сведения по этому поводу. В нем говорилось, что трагедия была издана по просьбе книгопродавца Глазунова (это подтверждается, как было выше установлено, его показаниями и документами архива Академии наук)¹⁸. Здесь же, в письме, говорится, что трагедия Княжнина вышла в свет в результате опрометчивости Дашковой, так как она забыла распорядиться о предварительном просмотре ее цензором Академии Российской.

Е. Р. Дашкова уверяет далее в «Записках», что она якобы защищала трагедию от нападков и подозрений Екатерины II и ее окружающих. Из письма же видно, что Дашкова сама признала неуместным и несвоевременным издание трагедии, предлагала скупить все вышедшие экземпляры ее, чтобы не наделаться шуму в обществе официальным правительственным запретом, и неоднократно просила извинения у императрицы за свой недосмотр. Это особенно определенно обнаруживается в разговоре Дашковой с секретарем Екатерины II В. Поповым и в письме к нему, которое тоже приводится ею в письме к брату¹⁹. «Прошу доложить ее величеству, — писала княгиня секретарю императрицы в покаянном письме, — что повинную голову и меч не сечет; из приложенных выписок (из академических журналов. — Л. С.) увидите, что я виновата в том, что не вспомнила приказать прочесть трагедию, когда

¹⁴ «Русский вестник», 1860, т. 26, № 5, стр. 105.

¹⁵ Е. Р. Дашкова. Записки, СПб., 1907, стр. 223.

¹⁶ Там же. Можно было бы предположить, что Екатерина II намекала на повесть Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова». Однако, как увидим далее, дело обстоит не так. Как известно, повесть Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» была в 1789 г. напечатана не в академической, а в так называемой «императорской» типографии, содержанием которой был Шнор, снабдивший вскоре, в том же 1789 г., Радищева печатным станком и шрифтами для печатания «Путешествия из Петербурга в Москву».

¹⁷ «Архив князя Воронцова», т. V, М., 1872, стр. 216. Опубликованный здесь французский оригинал письма не имеет почему-то определенной даты. В т. XII (М., 1877) «Архива князя Воронцова» (стр. 96) письмо датировано 16 ноября 1793 г.

¹⁸ В. Семенов. К истории цензуры в екатерининскую эпоху, СПб., 1913, стр. 11—12.

¹⁹ «Архив князя Воронцова», т. V, стр. 217. Перев. с франц.

о комедии «Чудаки» (тоже принадлежавшей перу Княжнина и также купленной книгопродавцом Глазуновым в рукописи. — Л. С.), помыслив, что, может быть сатиру на кого-нибудь содержит, я приказала оную рассмотреть; что я очень сожалею, что в одиннадцать лет впервой я не остереглась, и что это проскочило; но что я думаю, что никто не возьмет на себя всегда всякое слово вспомнить, что мне было очень прискорбно видеть вчера, что государыня гневна и что если бы меня противу моего желания не обременили Академиею, то бы и я подобно другим штатс-дамам только уважение, ласки и милости получала»²⁰.

Как видно из письма, известную роль в смысле содействия печатанию трагедии «Вадим Новгородский» в академической типографии сыграл и содержатель академической книжной лавки Чихачев, близкий родственник опекуна детей Княжнина. Он, как будто бы, имел даже поручение процензуровать ее, но не сделал этого якобы за неимением свободного времени²¹. Из этого же письма выясняется далее, что поручение прочесть трагедию Княжнина Дашкова дала и своему секретарю, но и он этого не сделал также за отсутствием свободного времени. Постоянному цензору академической типографии Котельникову трагедия не была послана якобы по причине ее... незначительного размера²².

В письме Дашковой встречаются и другие любопытные моменты. Так, в разговоре с ней императрица настойчиво повторяла ту мысль, что в России есть немало революционно настроенных людей, крайне враждебных существующему политическому строю и стремящихся его свергнуть. В ответ же на успокоительные заверения княгини, что это не соответствует действительности и что о существующем царствовании никто не сможет и не осмелится плохо отзываться, Екатерина II сочла даже возможным неожиданно напомнить о необычных обстоятельствах своего воцарения в результате дворцового переворота и убийства своего мужа императора Петра III, указав при этом, что и ее собеседница Дашкова разделит с ней ответственность за это преступление²³. (Как известно, Дашкова, действительно, была активной участницей переворота 28 июня 1762 г.)

Из письма выясняется также, что генерал-прокурор Самойлов явно шантажировал княгиню, то и дело напоминая в разговоре о трагедии «Вадим Новгородский», а чаще всего о Радищеве и его «Путешествии из Петербурга в Москву» и бравируя тем, что он якобы и четвертой части не передал ей того, что говорилось в связи с этим при дворе²⁴. В письме А. Р. Воронцову Дашкова подтверждает, между прочим, и то обстоятельство, что о «крамольном» содержании трагедии «Вадим Новгородский» донес Екатерине II И. П. Салтыков, который, по-видимому, не преминул при этом вновь возбудить императрицу против Воронцовых в связи с усиленно муссировавшимися при дворе вздорными слухами о проявленном якобы ими участии к книге Радищева²⁵.

Но самое примечательное, что о связи истории с трагедией «Вадим Новгородский» с делом Радищева Е. Р. Дашкова в своем письме Воронцову говорит не только со слов генерал-прокурора Самойлова, но приводит и собственный разговор с Екатериной II, из которого видно, что императрица действительно считала трагедию Княжнина таким же направленным против самодержавия произведением, как и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. «Она (императрица. —

²⁰ «Архив князя Воронцова», т. V, стр. 219. Письмо написано по-русски.

²¹ Судя по тому, что об этом Чихачеве у княгини был разговор с генерал-прокурором Самойловым, следует думать, что и он был допрошен в Тайной экспедиции.

²² «Архив князя Воронцова», т. V, стр. 220—221.

²³ Там же, стр. 222—223.

²⁴ Там же, стр. 221—222. Разговор с Самойловым изложен Дашковой частично по-французски, частично по-русски.

²⁵ Там же, стр. 224—225.

Л. С.), — писала Дашкова, — продолжала между тем: «Вот уже второе издание подобного рода, уже ведь было сочинение как это, но теперешнее во много раз острее». В первый раз за 11 лет моего пребывания в Академии проскользнула подобная вещь. Это также была трагедия? «Нет, это было Путешествие. Теперь я буду ждать третьего». Кажется, я догадываюсь что вы имеете в виду, мадам; еще до этого произошел случай, известный многим лицам. За год до издания этого сочинения, автор напечатал жизнеописание одного из своих друзей, молодого человека, который пил, ел, спал и умер как всякий другой, не совершив ничего достойного упоминания. Однажды, когда мы находились в Академии Российской, господин Державин в разговоре о том, что люди, мало знакомые с русским языком и не понимающие его смысла, претендуют, однако, быть авторами, сказал мне, что он прочел глупую книжку Радищева об одном из его умерших друзей и спросил меня, читала ли я ее. На мой отрицательный ответ и на высказанное мною сомнение, может ли быть автор дураком, если он им не является как человек, он послал за книгой (потому что жил при самой Академии) и одолжил ее мне. После прочтения ее я ясно увидела, что сочинитель хотел подражать Стерну, автору «Сентиментального путешествия», что он читал Клопштока и других немецких авторов, не поняв их, и я говорила многим, что он запутался в метафизике и потерял разум»²⁶.

Таким образом, оказывается, что о повести Радищева «Житие Федора Васильевича Ушакова» напомнила Екатерине II сама Дашкова. Екатерина же, как видим, назвала только радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». В приведенном выше разговоре Дашкова решила, как не трудно догадаться, оправдать себя и убедить Екатерину II, что она всегда была решительной противницей Радищева.

Из письма Дашковой Воронцову выясняется, таким образом, ряд других, не лишенных интереса подробностей дела Радищева, и прежде всего неблагоприятное поведение Г. Р. Державина по отношению к мужественному революционному писателю. Именно Державин дал ей вышедшую в 1789 г. повесть «Житие Федора Васильевича Ушакова», обратив при этом ее внимание на «крамольное» содержание этого произведения Радищева. Дашкова, естественно, не замедлила сообщить об «опасной» повести Радищева при дворе, благодаря чему, вероятно, повесть и стала известна самой Екатерине. О происках «певца Фелицы» Дашкова пишет и в другом месте своего письма, приводя переданные ей вздорные слова Державина о причастности якобы как соавторов О. П. Козодавлева и Воронцовых к «Путешествию» Радищева²⁷.

Все эти материалы убедительно свидетельствуют, насколько дело о трагедии «Вадим Новгородский» было тесно и непосредственно связано с делом Радищева. Не исключено, что, напоминая Воронцовым об «опасных произведениях» Радищева, напечатанных якобы при их содействии, Екатерина II хотела выразить свое недовольство и той помощью, какую оказывал сосланному в Сибирь писателю брат Е. Р. Дашковой — А. Р. Воронцов. Екатерина была, конечно, хорошо осведомлена о размере и характере этой помощи.

Таких откровенных разговоров о причастности Воронцовых к книге Радищева, которые велись теперь, не было, возможно, при дворе даже в разгар расследования самого дела Радищева летом 1790 г. Родственник А. Р. Воронцова П. В. Завадовский в письме от 17 ноября 1793 г. писал ему, между прочим, о деле с трагедией «Вадим Новгородский» следующее: «Государыня, говоря с А. А. (Безбородко. — Л. С.) молвила и то, что при истории Радищева говорили на княгиню и на тебя,

²⁶ «Архив князя Воронцова», т. V, стр. 223 (подчеркнуто мной. — Л. С.).

²⁷ Там же, стр. 221. Текст написан Дашковой по-русски.

как побудителей сочинения, но она то сочла тогда за ненависть и злословие. А. А. оправдывал тебя, приводя всю истину, что ты о том деле последний во всем городе узнал... С отставкою ты всех подобных наветов избежишь и отклонишь от себя врагов, которых жало обратится на других, нас заступающих»²⁸. Шум, поднятый вокруг трагедии Княжнина, явился, так сказать, последней каплей, переполнившей чашу взаимных неудовольствий между императрицей и А. Р. Воронцовым, который вскоре вышел в отставку²⁹. Знаменательно, что ему был, собственно, запрещен въезд в столицу³⁰. Таким путем в своеобразной ссылке очутился и покровитель Радищева. Отставкой А. Р. Воронцова и умалением вследствие этого его влияния императрица добивалась ухудшения положения находившегося в Илимском остроге Радищева. Вот каково было «эхо» реплик Вадима Новгородского!

Дело о трагедии Княжнина тянулось несколько лет. Из сохранившихся материалов видно, что Сенат неоднократно требовал от местных властей выполнения указа об изъятии трагедии³¹. В январе 1798 г. Сенат вновь рассматривал вопрос о трагедии Княжнина (видимо, по повелению Павла I). Оказалось, что за все время в провинции был обнаружен, прислан в Сенат и уничтожен только один экземпляр трагедии, принадлежавший могилевскому губернскому прокурору Меньшому-Герасимову³².

Несмотря на секретность дела об уничтожении трагедии «Вадим Новгородский», оно все же получило широкую огласку и породило много слухов о тяжелой судьбе, постигшей якобы и автора ее. А. С. Пушкин в наброске статьи по русской истории XVIII в. писал, что «Княжнин умер под розгами». Д. Н. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей русской земли», вышедшем в 1836 г., указывал, что «трагедия «Вадим Новгородский» более всех произвела шуму: Княжнин, как уверяют современники, был допрашиван (курсив подлинника.—Л. С.) Шешковским, в исходе 1790 г. впал в жестокую болезнь и скончался 14 января 1791 года»³³.

Эти сведения не верны, но являются, по-видимому, глухими отголосками каких-то событий в жизни Княжнина, имевших место незадолго до его кончины и, вероятно, действительно ускоривших ее. В записках С. Н. Глинки есть любопытный рассказ о написанной Княжнинным в конце 1789 г., т. е. незадолго до завершения «Вадима» или почти одновременно с работой над ним, политической статье под названием «Горе моему отечеству». С. Н. Глинка изложил вкратце и содержание этой статьи, не дошедшей до нас. Со слов Глинки не трудно догадаться, что Княжнин, считая возможной революцию в России, предлагал провести ряд важных государственных реформ и этим заблаговременным «устроением внутреннего быта» страны предотвратить «слишком крутой перелом... ибо французская революция дала новое направление веку». «Предполагают,— писал Глинка,— что рукопись его (Княжнина.—Л. С.) под заглавием «Горе моему отечеству», попавшая в руки посторонния, отуманила последние месяцы его жизни и сильно подействовала на его пылкую чувствительность... тогда гул бури французской революции за-

²⁸ «Архив князя Воронцова», т. XII, стр. 96.

²⁹ В некоторых литературных источниках и справочниках, в том числе и во 2 изд. БСЭ (т. 9), указывается, что А. Р. Воронцов вышел в отставку в 1792 г. Это неверно. А. Р. Воронцов в своей автобиографии сам указывает, что получил отставку в январе—феврале 1794 г. («Архив князя Воронцова», т. V, стр. 2). Е. Р. Дашкова также пишет об отставке Воронцова в 1794 г.: «Он окончил свою полезную для отечества службу в 1794 г.» («Записки», стр. 221).

³⁰ «Архив князя Воронцова», т. XII, стр. 103.

³¹ РОБИЛ, ф. Белокурова, д. 9/10, л. 38.

³² Там же, лл. 56—58.

³³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 6, М., 1936, стр. 24; Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III. СПб., 1836, стр. 78.

страшал умы, и патриотические мысли Княжнина показались неуместными»³⁴.

Рассказ Глинки позволяет думать, что политическая статья Княжнина получила вопреки воле ее автора распространение в известных кругах общества и даже очутилась в руках царского правительства, что, видимо, повлекло за собой какие-то неприятности для автора. Возможно, что Княжнину действительно пришлось давать по поводу его «неуместной» статьи объяснения Екатерине II и Тайной экспедиции. Возможно также, что в рассказах о злоключениях драматурга в «ведомстве» Шешковского глухо отразился цензурный инцидент с трагедией Княжнина «Владимир и Ярополк», происшедший в октябре 1789 г., т. е. в разгар революции во Франции³⁵.

Трагедия Княжнина «Вадим Новгородский» нашла свой путь к читателю нелегально, она распространялась и в многочисленных рукописных копиях. Декабрист В. Кюхельбеккер из тактических соображений весьма нехотно отозвавшийся в своих показаниях в Верховной следственной комиссии о трагедии Княжнина, признал, однако ж, что «Вадима Новгородского» наряду с «Путешествием» Радищева «переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них»³⁶. Декабрист В. Штейнгель показал, что, увлекаясь «более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человека причиною», читал в числе других произведений также «Вадима» Княжнина и «Путешествие» Радищева³⁷. Штейнгель, между прочим, указывал, что в его распоряжении был печатный экземпляр трагедии Княжнина.

Весьма любопытный эпизод, связанный с трагедией Княжнина, находим в дневнике профессора Московского университета и цензора И. М. Снегирева. Снегирев рассказывает, что при посещении им в 1821 г. старинной церкви в с. Коломенском он был весьма неприятно поражен, обнаружив на одном из столпов каменного трона царя Алексея Михайловича тщательно кем-то врезанное двустиише из монолога Пренеста:

**«Самодержавие повсюду бед содетель
Вредит и самую чистейшу добродетель»³⁸.**

В этих строках из трагедии Княжнина нашли выражение революционные антимонархические умонастроения передовых людей того времени.

Трагедия «Вадим Новгородский» смогла быть перепечатана только в 1871 г. в журнале «Русская старина» (публикация П. А. Ефремова) и то с некоторыми цензурными купюрами: были опущены четыре строки из монолога Пренеста о самодержавии, начиная со слов «Самодержавие повсюду бед содетель...». Строки эти не опущены только в нескольких экземплярах журнала, разумеется вопреки цензурному запрету.

Только в 1914 г. царская цензура разрешила впервые полностью переиздать «Вадима Новгородского», но крайне незначительным тиражом — всего 325 экземпляров. Это показывает, что издание трагедии предназначено было «для немногих». После революции 1905 г. даже строго запретное «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева не подвергалось таким ограничениям.

³⁴ С. Н. Глинка. Записки, стр. 97—98.

³⁵ См. Н. В. Дризен. Очерки театральной цензуры в России в XVIII в. «Русская старина», 1897, т. 90, № 6, стр. 550 и сл.

³⁶ Сб. «Восстание декабристов», т. II, М.—Л., 1926, стр. 176.

³⁷ Цит. по книге М. В. Нечкиной. А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1951, стр. 430.

³⁸ «Русский архив», М., 1902, кн. 2, № 6, стр. 179.

